

Маша Трауб **Истории моей мамы**

Посвящается маме

«Мамы разные нужны, мамы разные важны». Это стихотворение Михалкова, которое читали по куплету все советские дети на утреннике в детском саду в честь Восьмого марта, я никогда не понимала. Бойко тараторила про маму-вагоновожатога и не понимала – как это бывает? Мама-повар? Да, наверное, кому-то повезло. Кто трусы ребятам шьет? Точно не моя мама. Неужели есть мамы, которые приходят домой вечером, готовят ужин и смотрят телевизор? Или проверяют дневник и спрашивают, как дела в школе? В нашем с мамой случае все было совсем иначе.

Наша жизнь очень отличалась от быта остальных семей. И не только потому, что мы с мамой всегда жили вдвоем, точнее втроем – еще была бабушка, мамина мама. А еще потому, что мама никогда не хотела выйти замуж или найти себе «мужское плечо», на которое могла опереться. Ей нужны были только я и бабушка, а мне – она и бабушка.

Мама все время рассказывает истории – мимоходом, пока варит кофе. Истории, от которых у меня глаза вылезают на лоб, и я забываю про кофе. Истории, которые невозможно придумать, а можно только прожить, будучи одним из главных героев.

Мама такая, какой я никогда не хотела быть в детстве. И такая, какой хочу быть сейчас.

Она никогда не стремилась к власти, даже в бытовом, карьерном смысле слова. Деньги, да, были нужны, но только чтобы содержать нашу маленькую семью. Ни счета на сберкнижке, ни записок под подушкой. Мама очень легко относится к деньгам – если есть, то нужно тратить. На удовольствие. На радость. Если не хватает, надо пойти и заработать. Не просить, не брать в долг, не «есть серые макароны», как она любит говорить.

Она всегда носила короткую стрижку, почти «ежик». Не потому, что модно – ее волосы не выдержали стрессов, переездов, смены воды, климатических зон, и я не знаю, чего еще. И еще у нее были седые корни. Мама поседела очень рано и красилась басмой. Со своим чернильным «ежиком» и алой помадой она не была похожа ни на кого из соседок и знакомых женщин. У мамы всегда была красная помада, в любое время суток.

А у меня всегда были косы. Длинные. До сих пор хожу с длинными волосами, и никогда не проводила экспериментов с короткими стрижками.

Помада. Я красила глаза и оставляла бледными губы. И только сейчас позволила себе красную помаду. И вдруг увидела в зеркале маму, в молодости. Копия.

– Ты совсем на меня не похожа, – твердила мне она все мое детство, – и это хорошо.

А я похожа. И красная помада мне идет.

Мама ходила в брюках, джинсах, водолазках, а меня наряжала в платья и юбки. У нее был плащ – как солдатская шинель. Всесезонный. Непромокаемый и непробиваемый. Он только стерся на плече – от веса сумки, в которой она носила документы и картошку. А мне она покупала пальто и кроличьи шубки. Нет, я не была «девочкой-девочкой», как говорят современные мамы про своих дочерей. Я была дочерью Ольги Ивановны, и этому положению приходилось соответствовать.

Я никогда не задавала вопросов, они и не были нужны – мама всегда оставалась блестящей рассказчицей, умело смешивающей реальность с вымыслом.

– Скажи мне правду! – просила я.

– Зачем? Это не так интересно. Вообще неинтересно, – отвечала она.

Иногда мне казалось, что мы с мамой тоже персонажи книги, увлекательного детектива, которые она так любила, а не живые, реальные люди. Наверное, это была защитная реакция ребенка на события, в которых он ничего не понимает. И все люди вокруг мне тоже казались героями. Вымышленными. Не списанными с реальности.

– Ты когда-нибудь расскажешь, что происходило на самом деле? Как ты жила? – спросила я.

– Когда я умру, и ты придешь ко мне, не забудь диктофон, – хохотнула мама.

Да, она смеется над смертью. И над собой. Она смеется над собственной судьбой, которую несколько раз обманывала.

* * *

Это старая осетинская традиция. Когда умерла бабушка, мама должна была просидеть с ней ночь – в комнате, где все зеркала завешаны черной тряпкой, а на столе в центре комнаты лежит покойник, и близкие родственники несут вахту прощания: оплакивают, рвут волосы, голосят, причитают, падают без чувств.

– Это ведь так тяжело. Как ты выдержала? – спросила я маму. Она была одна, когда просталась с бабушкой. И вся боль досталась только ей. Разделить не с кем.

– Да я и не заметила, как ночь пролетела, – ответила мама.

– Как это?

– Я всю ночь с твоей бабушкой ругалась. Высказала ей все, что хотела. Спорила, доказывала, даже кричала на нее. Впервые так хорошо с ней поговорила.

Да, в этом вся моя мама.

Ей поставили страшный, смертельный диагноз. И что она сделала? Взяла меня и уехала отдыхать в Гагры. Кутила, гуляла, ходила по ресторанам. Помогла нашей хозяйке, у которой мы снимали угол, отвоевать у соседней законную территорию двора, сосватала ее дочку за очень хорошего жениха. Она даже не плакала. Она жила, потому что очень хотела жить. Потом оставила меня у этой хозяйки и уехала делать операцию. Знала, что со мной все будет хорошо. Хозяйка – тетя Роза – учила меня варить компот и плакала. А я не понимала, почему она плачет. Ведь все было так хорошо! У меня появились подружки, я каждый день бегала на море. И совсем не скучала по маме. Наоборот, просила тетю Розу оставить меня у нее «на подольше». Хозяйка плакала и гладила меня по голове.

Мне кажется, мама обманула судьбу. Ей опять это удалось.

Через пятнадцать лет она пришла в клинику, где ей делали операцию, и пожилая медсестра позвонила хирургу, который оперировал. Он уже был на пенсии.

– Здесь Ольга, – сказала медсестра доктору, и тот даже не спросил, какая такая Ольга. Ведь пока мама лежала в больнице, она работала – врач получил возможность видиться с сыном от первого брака, которого давно вычеркнул из собственной жизни, но не из сердца. Сердце болело, а когда появилась моя мама – отпустило. Она попросила бывшую жену хирурга прийти в больницу и поговорила с ней несколько часов. Врач метался под дверью, не зная, что делать – или спасти маму, которая лежала под капельницей, или не вмешиваться, чтобы... чтобы мама сотворила чудо. Женщина вышла из палаты в слезах, обняла бывшего мужа, которого ни видеть, ни слышать не хотела, и уже на следующий день привела в больницу их общего сына.

– Что ты ей сказала? Как тебе это удалось? – Врач плакал.

А маме было так плохо, что она даже говорить не могла.

И вот, спустя столько лет медсестра, хирург, его взрослый сын стояли и смотрели на маму.

– Как тебе это удалось? – спросил врач, имея в виду, что его пациентке было отпущено болезнью полгода, максимум год, а она прожила пятнадцать и собиралась еще прожить не меньше.

Мама хмыкнула и попросила разрешения закурить.

– У меня было полно дел, – ответила она.

Медсестра плакала. А парень, сын хирурга, смотрел на всех и не понимал, что происходит.